

Завтра — день рождения Зиновия Гердта, одного из самых популярных наших артистов. Накануне мы с моей приятельницей, такой же, как и я, поклонницей Зиновия Ефимовича (а к тому же еще и моей однофамилицей), решили встретиться и поговорить о нем и его творчестве. Нам об этом приходилось писать о Гердте, брать у него интервью, просто разговаривать... И если читателю покажется, что за нашим столом сидит и сам юбиляр, то мы будем считать, что встретились не напрасно.

Алексей ФИЛИППОВ. Гердта все очень любят — перед его юбилеем нелишне сказать об этом вслух. Но причины этого не вполне ясны: в Москве есть много столь же хороших актеров, которые к тому же гораздо больше сыграли. Больше тридцати лет он смотрел на публику из-за ширм Театра Образцова: голосом Гердта говорил конференсье Апломбов из «Необыкновенного концерта», Адам из «Божественной комедии», многие другие куклы. Вместе с ними Гердт объехал полмира, в них он — подобно остальным кукольникам — должен был раствориться. Это не произошло лишь потому, что актер, поднимавший брови великолепному Апломбову (один из минкультовских чиновников, усмотрев здесь намек на августейшего бровеносца, распорядился их подстричь), был Гердтом. Зрители увидели его в кино, но фильмов с его участием было не так много, гораздо меньше, чем у других, не пользующихся такой стойкой, такой глубокой популярностью актеров. У него не было ни одной роли, после которой он проснулся бы знаменитым, в Кинословаре он значится как «мастер эпизодических, преимущественно комедийных ролей».

Строго говоря, Зиновий Гердт вообще не должен был вернуться в профессию. После того как осколок снаряда, выпущенного из немецкой танковой пушки, перебил ему ногу, он очень сильно хромает. Любой другой на его месте едва ли стал бы актером: молодой Гердт, окончив ФЗУ по специальности «слесарь-электрик», по девять часов в день вкалывал на строительстве метро за жидкие щи и перловую кашу с вофлой. У него просто не должно было хватить на это сил, но перед войной Гердт уже был актером знаменитой студии Валентина Плучека. Ее спектакль «Город на заре» имел такой успех, что самодеятельный театр получил статус государственного. Он кончился одновременно с началом Великой Отечественной — из восьми актеров, ушедших на фронт, вернулись только трое.

Об этом много написано, говорил об этом и сам Гердт. Рабочая карточка с гордым грифом «сквозная»; молодой Плучек, собирающий самодеятельный театр; фронтовой госпиталь, где друзья-артисты узнали в раненом лейтенанте Зяму Гердта только после того, как он попросил прочитать свое любимое стихотворение... Трагичная, удачная, в высшей степени достойно прожитая жизнь — и все же почему актер, почти не снимавшийся в главных ролях, стал одним из национальных кумиров?

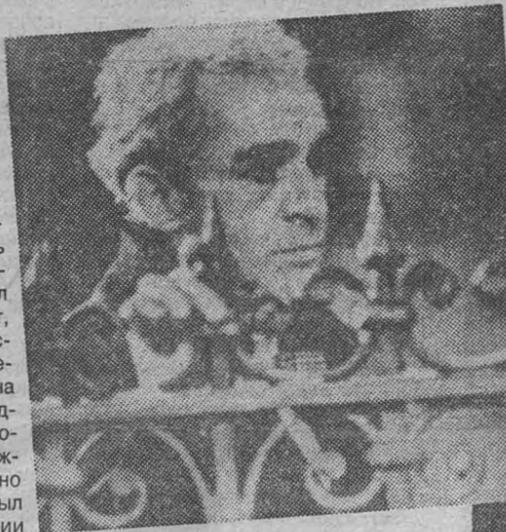
Татьяна ФИЛИППОВА. Когда ты спросила Гердта — вы счастливы?..

— Я глубоко несчастлив, — ответил он, — видимо, я один из тех немногих, кто понимает пропасть, лежащую между тем, кто ты есть и чем кажешься. Люди говорят мне хорошие слова, во время выступлений я получаю хвалебные записки. Ты знаешь, мне стыдно их читать, я краснею от преувеличенных восторгов. Иногда я спрашиваю себя: почему все так ко мне расположено? Может быть, из-за того,

ХРАНИТЕЛЬ МУДРОСТИ

Труд-1996-20 сент. - с. 8
БЕСЕДА О ЗИНОВИИ ГЕРДТЕ
НАКАНУНЕ ЕГО ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

что им известна моя биография? В ней, в общем, все правильно: я воевал, всю жизнь старался поступать так, как должно. В общем и целом мне стыдиться нечего. Но ведь этого мало: сколько прекрасных людей среди бывших фронтовиков, сколько хороших людей не воевало... Если честно, я и сам не понимаю, в чем тут дело.

А.Ф. Мне кажется, дело в присутствии Гердту (и актеру, и человеку) уникальном сочетании. Он мудр — и в то же время способен безоглядно, по-детски поверить в то, что ему кажется хорошим и важным. Он абсолютно порядочен — и в то же время обладает редким в нашей стране вкусом к жизни и умением ею распорядиться. Разводы Гердта были одной из московских легенд: он все, до последней пуговицы, оставил семье — и уходил к новой женщине. Из уст в уста передавалась гердтовская трактовка этой типичной для него ситуации: «Утром ты натягиваешь штаны и бежишь к своей Манечке, а я остаюсь...» Шутки в сторону: мы любим не столько актера Гердта, сколько Гердта-человека; образ, созданный им в жизни, столь же интересен, как и его роли. Когда на экране появляется персонаж Гердта, мы видим за ним самого Зиновия Ефимовича — мудрого, печального, наивного, наслажда-

щегося каждым дуновением жизни человека.

Т.Ф. Всякий оптимизм глуповат — так сказал мне Гердт 21 августа 1991 года (нынче, наверное, многие и не помнят, что связано с этой датой). «Всякий оптимизм глуповат, но я думаю, что мы будем жить, как люди. В моей жизни было три победы: в мае 1945 года, победа на выборах Ельцина, и третья — в нынешнем августе. Я верю, что мы

Культуры. Не просто культурный человек, а один из тех, в ком и благодаря кому она живет. При этом все его образование — фабрично-заводское училище, законченное им в середине тридцатых...

Т.Ф. В английском есть слово «сэлфмейдмэн» — человек, сделавший себя сам. Я слышала, так называл себя Гердт; думаю, что он и живет с этим ощущением... Как-то я спросила у него: у вас есть ка-

Маяковского стал вытеснять Пастернак: нет дня, чтобы я про себя не читал его стихи. Сегодня я навещал друга в больнице, сидел там, пережидая дождь, глядел в окно на дворные лужи, блестящие от воды автомобили — и вспоминал великолепные стихотворения Пастернака «В больнице», божественное и боготворческое.

А.Ф. Гердт принадлежит к тем людям, которых хочется спросить — в чем смысл жизни? Ответа он может и не знать, но это не суть важно — гораздо интересней то, что он по этому поводу думает. В нем есть магия, загадка, которая не имеет отношения к тому, что называют «актерской энергетикой». Скорее, это обаяние умного, искреннего и порядочного человека — для России, где «умный человек не может быть не плутом», сочетание уникальное. Поэтому Гердт, как никто другой из наших актеров, воплощен в своих персонажах: на вечную и бестолковую человеческую комедию глядит мудрый человек — Зиновий Ефимович Гердт.

Т.Ф. Как-то я спросила Гердта — не жалеет ли он, что стал актером. Он ответил, что в известном смысле это ошибка: из него вышел бы хороший ветеринар, воспитатель в детском саду или учитель словесности.

Тогда я спросила: о чем вы мечтаете? Он помолчал и сказал:

будем жить лучше...»

С тех пор утекло много воды, много слов, слез, грязи и крови — оптимизм и впрямь глуповат, к чему ворошить слова пятилетней давности? Но Гердт помолчал и добавил: «А я до этого вряд ли доживу».

— Я не доживу до тех времен, когда наши люди будут расположены друг к другу, когда будет нестрашно выйти ночью с собакой, выпустить ребенка на улицу одного. Но я верю в то, что мой внук, дети моих близких будут жить среди людей, уважающих их уже за то, что они тоже люди. Пусть на наших улицах не будет американских улыбок — это неестественно и приторно, но, быть может, в нашу страну наконец-то придет желание удружить ближнему?

Как ты думаешь, увидит мой внук такую жизнь?

А.Ф. Гердт — человек Высокой

кое-нибудь хобби? Он ответил: «Мое увлечение — родная речь, русский язык».

— У меня множество русских словарей — фразеологических, идиоматических, синонимов и других, мне доставляет огромное наслаждение в них вчитываться. Это тайная улада, забава, вошедшая мне в кровь, и если бы я ее лишился, моя жизнь бы опустела.

А вот писательским зудом Господь, к счастью, меня обделил, я не графоман. Белый лист бумаги внушает мне ужас: я по природе своей не писатель, а читатель. И по преимуществу читатель стихов: ничего из того, что написано в столбик, я пропустить не могу. В моих ушах — наверное, было бы надо сказать «в душе»? — все время звучат стихи. До 16 лет владел Маяковский — я знал его наизусть всего, от слова до слова. Потом

«У меня есть мечта, но я не знаю, насколько она реальна...»

— Я много работаю, неплохо зарабатываю, покупаю хорошие вещи. Близ Москвы у меня есть хорошая теплая дача — когда в городе не топят, мы едем туда. Есть у меня и машина: ее, а также мой дом на шести сотках я оставлю внуку. Да разве это ему нужно? Он нормальный, здоровый, умный малый — у него все будет и без меня. Но я мечтаю о том, как лет эдак через тридцать к нему подойдет товарищ и спросит: слушай, помнишь, был такой артист Гердт — это, часом, не твой дед? А когда мой внук скажет «да», он ответит: вчера я был в гостях, и какой-то старик рассказывал, что он был порядочный человек...

Но я, наверное, заночую в мечте.